

Литературная страна

БЫЛО удивительно, что разговор у нас с ним не клеился. Он сидел за столом, напротив меня, в мягкой фланелевой пижаме, уже не молодой, с красным полным лицом, с синеватыми полукружками под глазами, с рыжей кудрей шевелюрой. Люб в морщинах, с едва заметными буграми, близко у самых бровей. Голос у него мягкий, добродушный.

— А-а... как здорово! Не-ет, как это здо-о-рово-о!.. Сколь уже десятков лет миновало — и на тебе... встреча.

Мы с ним жили в одном совхозе в то далекое военное детство, через три дома друг от друга. Он часто прибежал ко мне играть в шахматы, списывать задачки, а то и просто чем похвастать.

— А ты помнишь, чем кончилось наше желание отпробовать мед? — спрашивал он, не спуская с меня восторженных глаз, замаслившись от бокала вина.

Как же мне было не помнить. Сладкого есть не приходилось. О сахаре мечтали как о диве-дивном. И однажды нас надомил Егор Кириллов, совхозный объездчик, поест мед. Мол, и добыть-то его стоит пара пустанков. И вот поздним вечером, когда с улицы ушли последние девчата-пелуны, мы прокрались к старому Елькину в огород и прутиками стали шурудить летки в ульях, терпеливо ожидая, когда из них польется мед. А в результате — хлесткая боль от обожженных пчел. Мы спасались от них в пруду, кинувшись в него, в чем были.

А наутро один из нас, Жорка Климов, попал даже в больницу. А Егор несколько вечеров рядом специально разыскивал нас, чтобы позубоскалить над нами...

— А где сейчас Маша Солдатова? — проникновенно вопрошал он. — Наш юмфир.

Маша была на редкость красивой девочкой. Мы все о ней тайно вздыхали, писали неуклюжие стихи и подсовывали их ей незаметно в сумку.

Я вспоминал из далекого близкое и мелким оглядывал его квартиру. Диван, задернутый цветастой простыней, рядом на полу ковер. На стене копия картины «Заросший пруд», телевизор на тумбочке, на окне матовый телефонный аппарат.

В Кемерово я приехал по командировке. Дела в один день сделать не удалось, и вечером

я пошел гулять по набережной Томи. Там мы и встретились. Первым он меня узнал. Я сразу же вспомнил его детское прозвище Ролик. Отец его, видимо, по старости был оставлен в тылу и заведовал в совхозе мельницей. Жил Ролик в достатке. В школу мы ходили в деревню Муручак, что за семь километров от совхоза, и с собой брали обед. Ролик носил

дарил пару сизых голубей. Сейчас не перескажешь того волнения, которое я испытывал, когда в моих руках оказались два живых, теплых, с подвижными бусинками глаз, сизаря. Будто сейчас ощущаю ладонями частое молотенье птичьих сердец. Всю обратную дорогу я только и прислушивался, как они трепыхались у моей груди под стайрой с чужих плеч шубейкой.

Она что-нибудь «сварганит» по-ест. Тихо, с хрипотцой дышит сестренка. До вечера далеко. В окно сочится слабый солнечный свет. На полу от рам крест накрест слабые тени. Я не слышал, как отворилась дверь и ко мне на лавку подсел Ролик.

— Петя, я дома один... — жарким шепотом заговорил он, подвигаясь ко мне вплотную. Я близко увидел его серые глаза. — Папка на работе, а бабуся в церковь уехала...

Я не мог уловить связи Роликиного шепота с отъездом бабушки в церковь и удивленно смотрел ему в лицо. Ролик еще тише заговорил:

— Муки могу принести. Муки. Ладно?

От одного только слова «мука» я мысленно представил уютный вечер, а мы сидим за столом и перед нами дымится мучная похлебка. Больше всех довольна сестра. Она уже не болеет и пристает ко мне, чтобы я рассказал, как «папка дупит в хвост и триву фашистов». И мать согнала с лица постоянную хмарь и улыбается.

Нам с сестренкой так нравятся, когда она улыбается. Но после ухода отца на фронт с ней это бывало редко.

Я даже не думал в этот момент, что мать станет попытаться, откуда я взял целый котелок муки, и что потом мне придется выкручиваться: мол, продаю голубей и купил муки.

— У меня же меновы нет, — больше спросил я, чем ответил.

— Ладно. А может, голубей? — затаянно предложил Ролик.

Меня обдало жаром. Какое-то время не мог даже нормально дохнуть. Запершило, заягло в горле. Но, опять представив себе сестренку здоровой, я внутренне сопротивляясь своему решению, произнес:

— Ладно. Согласен, Роля. А назавтра, еще до школы, Ролик прибежал к нам и таинственно поманил меня на улицу. И будто ничего не случилось, без тревоги и грусти сообщил, что моих сизарей, то есть уже не моих, у него задрали в кладовке крысы...

И сейчас, встретившись со взрослым Роликом, я хотел думать, ведь он ни в чем не виноват, а даже выручил меня в свое время.

Но разговор так и не получился.

Петр ШМАКОВ.

СИЗАРЬ

РАССКАЗ

лепешки. Лепешки из настоящей муки.

Мы выменивали у Ролика лепешки за бабки, за лыжи-самодельки, за свиновые биты, за поджиги и десятки других детских драгоценностей.

Все это мне хорошо помнилось. Все было. Но странно, искреннего, душевного разговора не получалось. Что-то томило меня, какое-то воспоминание силилось прорваться из меня, но тут же уколывало, не принимая отчетливых форм. Мешал этому и его ровный, незлобивый голос. Память у него цепкая. Он хранит из детства столько деталей, что я не сразу восстанавливаю их в памяти.

Но вот стали иссякать вопросы. Меньше уже лучились его глаза. Он закинул ногу на ногу, закурил «беломорину» и, дусная дым к потолку, стал рассказывать о себе. Работает экспедитором в торговле. На жизнь не жалует. Не обидел бог и женой. Выдалась что телом, что лицом. Вот, мол, явится, сам убедишься.

— А тут мы с Верушкой деньжонок малость подконили, да мотоцикл с люлькой загнули и на «Жигули» замахнулись. Очередь недалеко...

И тут я вспомнил, что так меня мучило.

В детстве я мечтал завести голубей. Они мне даже снились. И если я видел, как они парили в воздухе, сложив крылья лодочкой, то останавливался и подолгу смотрел, задрвав голову.

В совхозе голубей водилось мало и стояли они дорого. Но как-то зимой со споднявшейся подвойной мы с матерью поехали в Барачагы к тете Любе. Сын ее, а мой двоюродный брат Николай, заметив мою страсть, по-

Сизарям я сделал клетку и каждый день кормил их, чем только мог. Придя из школы, я подолгу ломал голову: где и что достать им? Помогали доставать им прокорму и мои друзья Петяка Коендрашкин, Петяка Кислицын и Жорка Климов. Равнодушным оставался к моим сизарям только Ролик. Он в первый же день заявил:

— Подумаешь, радость. Самим жрать нечего, а туда же... голубей...

Слова он говорил явно не свои. От кого-то слышал. Видно, от своей бабки, Богомольной и жаднощевой.

Прожили сизаря у меня до весны. Весны холодной и голодной. На исходе была картошка, самая малость оставалась овошечей. Мать не знала, как и экономить.

«В одиночестве горе не ходит», — говорила моя мать. Оно так и было. На фронте нашим приходилось туго, в совхозе все чаще и чаще получали похоронки, от отца реже стали идти письма, а ко всему слегла в постель младшая сестренка. Она лежала под ворохом тряпок, фуфайкой и пристраемло поглядывала на меня. И не простила есть, как обычно. Мне не хватало ее щебета, ее картоваго выговора, ее бесконечных и ничемных, как я считал, вопросов. Я не мог переносить этого безучастного взгляда и чувствовал себя во всем виновным.

Сидел на кухне, прижавшись спиной к остывшей печи. Читал «Робинзона Крузо». Удивительная жизнь находчивого человека в какой-то степени приглушала голодную боль в животе. Приходилось ждать мать.